

люди искусства

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Лидия КНЯЗЕВА,
народная артистка СССР

Я хорошо знаю народного артиста РСФСР Владимира Горелова — товарища по работе, друга, прекрасного актера, начавшего ныне тридцатый сезон на сцене Московского театра, и мне хочется рассказать о его творческом пути, о наиболее интересных сценических созданиях.

...Помню, как мы начинали — молодые, неоперившиеся, только что закончившие студию. Время было трудное — первые послевоенные годы.

Володя (язык не поворачивается называть его солидно — Владимир Константинович) быстро завоевал ведущее положение в театре. Он создал определенный тип героя-подростка — близкого, узнаваемого, по-ребячьи озорного и обаятельного и в то же время самоотверженного, готового совершить подвиг во имя Родины. «На Горелова» ходили, критика единодушно отмечала органичность молодого артиста, его естественную и правдивую манеру игры. Володя переиграл великое множество самых разных мальчишек.

В зрительном зале того времени собирались дети войны, познавшие и горечь утрат, и радость победы. Они рано повзрослели, у них были четкие представления о чести, доблести, геройстве, и гореловские образы полностью соответствовали им.

Помню, в одной школе на обсуждении спектакля «Чистые руки» кто-то из выступавших сказал, обращаясь к Горелову: «Мой любимый герой — вы!» Оценка школьника была непосредственна: он отождествил сценических героев с их создателем. Действительно, Володя щедро наделял своих персонажей свойствами, присущими его натуре: чистотой и теплотой, добротой, обаянием.

Одной из лучших его ролей был Павлик Морозов в одноименной пьесе В. Губарева. Превосходные внешние и внутренние актерские данные позволили Горелову создать убедительный образ четырнадцатилетнего подростка. Никто не задумывался о том, сколько же лет самому исполнителю. А было ему тогда 32! Я играла младшего брата Павлика Федюшку и могу с уверенностью сказать: лучшего партнера у меня не было. Я верила Горелову безоговорочно — его убежденности в собственной правоте, максимализму, бескомпромиссности. А какой он был удивительный старший брат — нежный, трогательный, заботливый! (Ловлю и себя на том, что нередко связываю черты образов Горелова с его собственными). Остро-драматической была сцена, в которой Павлик узнает правду о своем отце. По сей день не могу забыть глаза Горелова, в которых отражалась целая гамма чувств — смутнение, отчаяние, решимость. Володя играл этот эпизод так эмоционально, что не только мой Федюшка, но и весь зрительный зал становился его союзником.

С годами герои артиста взрослели. Уже не подростки — юноши стали объектом его пристального внимания. В спектакле «Чистые руки», например, он так щемяще-грустно рассказывал историю неразделенной любви девятиклассника, что со сцены повяло подлинной драмой. Образ, созданный Гореловым, стал сильным аргументом «за» в затейном на тюзовских подмостках споре «любить или не любить».

А Д'Артаньян в инсценировке «Трех мушкетеров!» Его гасконец — человек «с солнцем в крови», для которого в понятиях «верность», «отвага», «честь» заключен весь смысл жизни. Пылкий романтик, гореловский Д'Ар-

таньян был родным братом ростановского Сирано и знал прекрасную поэзию Светлова, полную юношеского задора, жажды действия, юмора и грусти одновременно.

Когда театр начал работу над «Ромео и Джульеттой», Горелову поручили не Ромео, о котором он страстно мечтал, а Меркуцио. Поначалу артист расстроился, а потом увлекся ролью. И на премьере Меркуцио привлек всеобщее внимание, став одним из главных персонажей трагедии. Он был чуть старше своих друзей, но много опытной. Он философ, познавший тайны бытия, он поэт, постигший душу человека. Он непривычно грустен, этот весельчак Меркуцио, и одиноко; друзья-приятели влюбляются, устраивают разные забавы, а он все это перерос, ему скучно. Но как преобразился Меркуцио, узнав о большой любви Ромео: он не жалеет жизни, защищая честь друга, и погибает в трагическом поединке. Посмотрев фильм Франко Дзеффирелли «Ромео и Джульетта», я поразились: там был именно такой Меркуцио. Значит, Горелов много лет назад пришел к пониманию (и воплощению!) именно той актерской стилистики, которая сегодня признана наиболее близкой замыслу Шекспира.

Был в творческой жизни Горелова момент трудный и сложный. Все актеры детского театра проходят через него с большими или меньшими потерями. Особенно болезнен этот период у трагистов (а у Горелова было редкое амплуа — мужское трагистов). Наступает время перемен — в «послужном списке» появляются возрастные роли. Страшно перейти рубикон — показывать детям уже не их самих, а их отцов. Я знаю: много грустных мыслей бродило тогда в голове Володи. Не говоря о самых закономерных вопросах — смогу ли? получится ли? — думал он и о том, что драматурги, создающие пьесы для детского театра, тщательно выписывают образы ребят, а взрослые часто получают нежизненными, бескровными резонерами. Горелов тогда был мало занят в репертуаре — нервничал, искал...

Но вот в 1965 году он сыграл Федотова в пьесе Ф. Кнорре «Отец», написанной по рассказу «Родная кровь».

...Артист выходил на сцену почти без грима (он вообще пользуется им очень экономно, доверяя больше взгляду, мимике, жесту), и зал мгновенно проникался сочувствием к немолодому солдату, которому предстояло заново начинать жизнь после демобилизации. Я играла младшую дочь паромщицы Соньку и невольно подчинялась гореловской обнаженной доброте, его открытой любви к людям.

Было очевидно, что Володя вырос за время вынужденного молчания. К актерским качествам, подаренным ему природой, — простоте, органичности, обаянию — прибавились жизненный опыт, умение осмыслить явление философски, прекрасная техника.

Перед моей Сонькой не стоял вопрос, с кем остаться: с Федотовым или тем, другим, что назывался родным отцом и приезжал к детям на «шикарной» машине. Родным ей был только Федотов, а самым большим желанием — стремление, чтобы он в этом не усомнился. И зрители, захваченные искренней игрой артиста, были полностью на стороне Федотова, взявшего на себя нелегкие заботы о большой семье, о детях.

Потом мы с Гореловым играли в инсценировке романа

американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника». Он снова мой отец — адвокат Аттикус Финч, а я Глазастик.

«Каждый характер — тайна, которую нужно разгадать», — говорит Горелов. Ключом к образу Аттикуса стал его монолог: «Я обвиняю! В мире зла и несправедливости власть имущие — подонки, какую бы власть они ни имели». Адвокат Финч — общественный обвинитель, рыцарь без страха и упрека, борец за справедливость, за равноправие людей любого цвета кожи. Он — педагог по образу мыслей и призванию — считает, что убивать живое на земле — преступление не только перед собственной совестью, но и перед человечеством. Глазастик не зря обожает отца, он олицетворение самого лучшего, доброго, справедливого, что есть на свете. Таким видел Аттикуса исполнитель, таким видел его зрительный зал.

За последние годы стало ясно, что Горелов — актер вне амплуа. В философской сказке-притче В. Коростылева «Варшавский набат» он сыграл старого учителя, который остался верен своим идеалам, своим ученикам и пошел вместе с ними на смерть и газовую камеру. В драме А. Каплера «Грозной год» Горелов — комендант Кремля Матвеев, который, прикидываясь предателем, входит в доверие заговорщикам, готовящих покушение на Ленина. В мудрой и грустной сказке Е. Шварца «Тень» артист создал остро-гротесковский, эксцентричный образ министра финансов. Пластика Горелова удивительна, владение телом совершенно. А рядом Мамочкин в инсценировке повести Э. Казакевича «Звезда» — весельчак и балагур, неунывающий и не падающий духом...

Недавно мы с Володей вновь встретились на сцене: в драме М. Горького «Последние» Горелов — Иван Колосийцев, а я его нянька. Я видела на репетициях, как он мучился: ходил беспокойный, взъерошенный, докапывался до самой «конкретной конкретности» чувств, поступков, взаимоотношений персонажей. В его сценах все очень точно, оправданно и порой неожиданно. Вот дарит он няньке шкатулочку какую-то (деталь, которой нет в пьесе). Иван, жестокий жандарм, душитель всего человеческого — и такая щемящая нота. Откуда? Почему? Может, потому что он знает: в доме его окружают мерзавцы или те, кто ими станет. А если не станут, то уйдут из этого, душного, давящего мира, будут смертельными его. Колосийцева, врагами, и только нянька — старая и слабая — не превратится ни в то, ни в другое. Вот за это ей, которая его вырастила, подарок. Хотя через минуту Иван грубо скажет: «А что тут делает эта старая сова? Ей в богадельню давно пора!» Колосийцев — Горелов все время разный: деспот и жалкий позер, тиран в семье и филигранный шут, самодур и юродивый одновременно.

«Я значу только то, что трачу», — любит повторять артист. Коммунист, член художественного совета театра, член правления ЦДРИ по работе с молодежью, он много внимания и времени уделяет молодым, пробуя силы в режиссуре, ставит с ними спектакли.

...Горелов начал тридцатый сезон, закончив инсценировку повести Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей». Он мечтает воплотить на сцене образ еще одного доброго человека — старого крестьянина Егора Полушкина. Осуществится ли это желание — пока трудно сказать. Но оно существует, а это значит, что в актере живет творческий дух неуспокоенности.

Недавно Горелов сказал мне: «Я все свои роли люблю, даже самые незаметные. Тридцать лет играю для детей. Теперь в зале сидят дети первых моих зрителей — жизнь продолжается, и это прекрасно!»

● Народный артист РСФСР
В. Горелов.

Фото В. Кузнецова.